

Рина Беж

Сделка-Only

<https://litres.ru/74206759>

Аннотация

♥#– Верная, значит? – Верная. – А он? – И он. – Почему тогда ты тут одна? Разве он не должен тебя встречать? – Должен – не должен – каждый решает сам. Но я не сомневаюсь, что встретил бы, если знал о возвращении. *** Стандартная ситуация. Хотела сделать сюрприз жениху, вернулась на день раньше... А он среди гостей под руку с другой девушкой стоит. Девушкой своего конкурента.

♥# Будет: - измена жениха. Но и черт с ним! - сделка с главным героем, без возможности ее нарушить. А вдруг уже никто и не захочет? - интриги, выяснения отношений и обязательно ХЭ. ✓# ОДНОТОМНИК ✓# История про Дениса Горина - "Зачем я тебе, мальчик?"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	60
Глава 9	66
Глава 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1

– Да, мляяя! Пи@дец!

Именно таким возгласом меня встречает культурная столица нашей родины.

Знаменательно. Почти пророчески. Но об этом я узнаю чуть позже.

Сейчас же молча запихиваю сотовый, которым так и не успела воспользоваться, в накладной карман сумки и поднимая взгляд на молодого человека.

– Неудачно вышло. Но я, правда, тебя не видел, – выпаливает он. Еще секунду назад украшавшая его довольное лицо улыбка тускнеет, а на смену приходит грустная моська с виноватым выражением, когда он принимается изучать творение своих рук. – Извини, а?

Я тоже опускаю взгляд себе на грудь. И морщусь, рассматривая большое темно-коричневое пятно от кофе, расплывающееся все шире.

Моя любимая нежно-голубая блузка в мелкий горошек безбожно испорчена. Неудачно вышло. Судя по всему, парнишка только купил большой стакан американо и две трети его опрокинул не в себя, а на меня.

– Ты не обожглась? Чего молчишь? Немая? Или в шоке?

Ну, инцидент, конечно, не из приятных, однако, до шока мне тоже далеко. Если бы из-за каждого недоразумения

я впадала в прострацию, давно бы работала только на одни лекарства.

Когда пять лет назад в числе прочих соискателей подавала документы на должность помощника начальника юридической службы нашей организации, удивлялась, почему стрессоустойчивость идет вторым пунктом в списке требований к замещаемой должности. Сразу после уровня образования. Поработав с недельку, удивляться перестала. В «Слайтон-строе», чтобы удержаться, приходится либо ведрами глотать валерьянку, либо иметь железные нервы. В ином случае спасет лишь поиск нового места службы.

– Эй, девушка! Черт! Это ты так расстроилась, что дар речи пропал? А хочешь, я тебе химчистку оплачу? И вот, свою рубашку отдам, а?

Молодой человек между тем нервничает сильнее.

Я же на практике убеждаюсь в действенности психологического приема – манипулятивного молчания. Иногда без слов можно довести оппонента до ручки надежнее, чем криками и скандалами. Надо будет взять на вооружение.

А он симпатичный, отмечаю по ходу дела. Лет двадцати двух – двадцати трех. Высокий, спортивный. Волосы темно-русые, модная длинная челка набок, на левом виске выбрит какой-то кельтский символ, а может, просто загогулина. Глаза ясные, да и, судя по внешним признакам, веселый, добронравный малый.

– Нет, не обожглась и не в шоке. Но приятного мало, тут

ты прав, – подаю голос, замечая, что парень уверенно стягивает с себя рубаху-гавайку.

Под ней обнаруживается белоснежная футболка из тех, что шили, экономя ткань, чтобы подчеркнуть каждую мышцу. Выдыхаю. Раз торс не голый, значит, стриптиз посреди аэропорта отменяется. Это хорошо. Лишнее внимание ни к чему. И так чувствую себя замарашкой.

– Так, я все придумал, пойдем.

Услышав мой голос, незнакомец расцветает улыбкой, демонстрируя ямочки. Хватает за руку и тянет за собой. Выдергивать конечность и выяснять отношения посреди зала выдачи багажа, где народ то и дело снует в разные стороны, чревато созданием «пробки». Потому просто следую за буксиром.

Остановится же он когда-нибудь?

Останавливается.

– Вот, тут никто не обратит на тебя внимание, – выдает умник, что выше на полторы головы, потому что в дорогу я надела балетки, и ловко запихивает меня за пальму, подпирающую пустой стенд.

– Эй?! Ты чего? Зачем? – вот теперь и мне хочется поговорить, чтобы прояснить все недоразумения.

– Я – не «эй»! Меня зовут Денис, – представляется совсем уже не нервничающий парень и резво командует. – Раздевайся. Точнее, переодевайся. Я тебя прикрою.

И этот... Денис вручает мне свою все-таки снятую рубаху,

разворачивается спиной и засовывает руки в задние карманы джинсов.

Открываю рот, чтобы протестовать. И закрываю. Что я в самом деле буду грязнулей рассекать по чужой вине? Не буду. Мне еще до дома нужно как-то добираться.

Отворачиваюсь к стене, быстро скидываю неприятно липнущую к коже вещь, скомкав, трамбуя ее в сумку и надеваю мужскую рубашку. Осматриваю себя, стараясь не сильно придираться.

Уф, ладно, сойдет. И неважно, что ткань источает явно мужской терпкий ментоловый аромат и фиг знает на сколько размеров мне велика. Может, это мода такая, а я в ней – спец.

– Готово.

Застегнув верхние пуговицы, а низ подогнув и завязав на животе узлом, стучу парня по плечу, чтобы выпустил из укрытия.

– Я – Вера, – протягиваю ладонь, когда он оборачивается. – Спасибо.

– За то, что облил? – хохмит юморист, но пальцы пожимает. – А тебе идет.

Осматривает меня с ног до головы, хитро прищутив серо-голубые глаза.

– За то, что не жадный, – не остаюсь в долгу, двумя пальцами приподнимая ворот рубахи. – Ладно, мне бежать пора. Говори адрес, куда тебе ее после стирки закинуть.

– Прикольный способ завладеть телефончиком, Ве-ра.

Может, тогда сразу и о свидании договоримся? – играет бровями Денис.

– У меня жених есть, так что... мимо, – развожу руками, отвлекаясь на высматривание ленты с багажом. Мой чемодан уже явно по мне соскучился.

– Жених, значит? – щурит взгляд.

– Ага, он самый.

И ведь не вру же.

– Окей. Тогда давай так: взамен моей постиранной вещи, ты позволишь возместить стоимость твоей испорченной. Идет? – и не успеваю ответить, как засыпает новыми вопросами. – Слушай, если ты торопишься, давай я тебя до города подкину. У меня полтора часа в запасе есть. Ты, кстати, откуда-то прилетела? Багаж надо забирать? Или можем сразу выдвигаться?

– Эй! – одергиваю болтуна. – Ты со всеми такой нагло-резвый?

– Не-а, – отбивает подачу, сияя ямочками. – Только с красивыми девушками, на которых хочу произвести впечатление.

– О, не переживай, уже произвел, – не выдерживаю и улыбаюсь ему в ответ.

Ну, правда, не линчевать же его за недоразумение с опрокинутым стаканчиком?

– Ладно, балабол. Прилетела из Москвы. Багаж забирать надо. Ярко-желтый чемодан. Кстати, вон там, кажется, он.

Если подкинешь до Ленинского, буду благодарна. И да, про красивую услышала, но это дела не меняет. У меня по-прежнему есть жених.

– Верная, значит?

– Верная.

– А он?

– И он.

– Почему тогда ты тут одна? Разве он не должен тебя встречать?

Ох, вот же почемучка. Вроде взрослый уже парень, а ведет себя, как детсадовец.

Но смешной, открытый и без понтов на ровном месте.

– Должен – не должен – каждый решает сам. Но я не сомневаюсь, что встретил, если бы знал о возвращении, – выдаю на одном дыхании.

– А он не знает?

– Нет, я решила устроить ему сюрприз. Специально на день раньше все дела в столице завершила и вернулась. Сегодня важный прием, и я не хочу бросать его там одного. Слишком серьезная сделка на носу. Так что вот так... Короче, не в курсе он.

За разговорами успеваем найти мой багаж, выйти на улицу и утрамбоваться в спорткар Е-Класса.

– Нравится? – Денис по моему немного прибалдевшему виду легко считывает, какое впечатление производит его «малышка», и довольно подмигивает. – Разбираешься?

– Мажор, значит? – приподнимаю бровь. Игнорируя его вопросы, задаю свой и скрещиваю руки на груди.

Уж лучше так, чем громко кричать: «Охренеть! Охренеть! Охренеть!» Да эта тачка стоит как однушка на Крестовском острове. Очуметь. А с виду казался нормальным среднестатистическим пареньком, умеющим пользоваться метро.

– Так бывает, – пожимает он плечами с видом: не сам такой, жизнь заставила. И, сияя ямочками, заводит двигатель. – Ты случаем о свидании не передумала? – приподнимает бровь. – Ну а вдруг? – кивает на салон.

Наглец! Но прикольный.

– Не дожدهшься, Дениска, – смеясь, качаю головой. – Но, чисто по-дружески, я бы на такой «конфетке» прокатилась по ночному городу.

Кончиками пальцев скольжу по светлой коже сидений и внимательно изучаю приборную панель. Не могу сдержать обоснованного восхищения, когда в машине ощущаешь себя круче, чем дома.

– Забились. Как будет настрой, маякни. Пересечёмся и чисто по-дружески я тебя покатаю, – Денис вытаскивает одну визитку из стопки, лежащих в «кармашке», и протягивает мне. – Можешь даже не скидывать сейчас дозвон. Просто, когда созреешь и наберешь, назови свое имя.

– И сразу вспомнишь? – подначиваю, но темно-серый картонный прямоугольник с именем Денис Александрович Горин и номером телефона забираю.

– Вспомню. Веры у меня среди знакомых еще никогда не было. А провалами в памяти я не страдаю.

– Да куда уж тебе, – хмыкаю, прищуривая взгляд. – Со всем юное создание. Универ. СПбГУ. Курс второй. Нет, пожалуй, третий.

Бросаю наугад.

Вытаскивает кончик языка, прикусывает его зубами, словно хочет сдержать смех, и качает головой.

– Вер, а ты кем работаешь? Не следаком, нет?

– А что, совсем всё мимо? – изображаю дикое огорчение, складывая обе ладони на груди.

– Два из трех в яблочко. Только курс четвертый. Я в школу с шести лет пошел, – ухмыляется. – А ты? – перенимает эстафету, при этом нисколько не отвлекается от дороги, что мне нравится. Не лихачит, ведет машину уверенно, плавно. Одно удовольствие ехать. – Двадцать четыре. Нет. Погоди. Наглости многовато. Двадцать шесть. Да, точно. Двадцать шесть лет. Работаешь... что-то связанное с внимательностью к деталям. Может, в детской комнате милиции, а? В органах, например. Хотя, нет, слишком яркая. Прокуратура? Суд? А может, училка в школе?

– Во ты загнул, – смеюсь в голос. Давно так беззаботно не проводила время. – Я – обычный юрист в строительной фирме. Мне двадцать восемь лет.

– Ну, как скажешь, обычный юрист двадцати восьми лет по имени Вера, – качает недоверчиво головой, но я вижу, что

и ему весело. — Однако, по поводу прокатиться — забились. Да?

— Да, договорились, — и пусть я не уверена, что наша встреча когда-нибудь состоится, потому что я вряд ли осмелюсь его набрать, но... чем черт не шутит? — Кстати, студент, а ты в Пулково что делал? Пары прогуливал?

Вспоминаю, что этот интересный вопрос мы как-то упустили из виду.

— Не, мне сегодня к четвертой нужно. Конец учебы же. А в Пулково друга провожал. Он в Казань к родителям полетел.

— Угу, — киваю с умным видом. Потом бросаю взгляд на шею, где красуется не стёртый до конца след помады, и фыркаю. — А друг-то у тебя шалун, Дениска. Ярко-красную помаду любит. Ай-ай-ай.

И пока мой новый знакомый, тихо матерясь под нос, ликовидирует следы прощания, отворачиваюсь к окну и люблюсь майским Питером, уже во всю зеленеющим и красующимся многочисленными цветочными композициями на клумбах. Классный он всё-таки. Совсем не Москва, и это круто. Очень круто.

Там для меня слишком шумно и агрессивно.

А здесь в самый раз. Проще и душевней.

Глава 2

– Где тебя посадить, Вер? – уточняет Денис, сворачивая на нужный проспект.

– У следующего здания будет идеально.

Указывая на карман, откуда очень удачно, освобождая место, выезжает ярко-белый седан.

– Погоди, так ты не домой? – делает он правильный вывод.
– Это же бизнес-центр.

– Верно. Хочу папку с документами начальнику сегодня закинуть, чтобы он меня завтра из кровати в ранищу не выдернул. Для трудоголика выходной – не выходной – всё одно. А для меня суббота – святое, есть желание отоспаться.

– Ясно.

Добровольный извозчик, включив поворотник, ловко перестраивается в правый крайний ряд и заезжает на парковку. Занимает свободное место и выключает двигатель. Достает сотовый, пролистывает, открывая какое-то окошко меню, и поднимает взгляд на меня.

– Домашний адрес диктуй, – произносит уверенно и вбивает его, когда я называю. – Так, смотри. Если за двадцать минут тут справишься, я тебя успею подкинуть до дома и без опоздания попаду на лекцию. Всё лучше, чем тягать по лестницам чемодан. Что скажешь?

– Я пулей, – даю обещание и шустро выбираюсь из спорт-

кара.

Слова Горина не лишены смысла. Ко входу в здание только ступеней пятнадцать, потом пробежка по холлу, подъем на шестой этаж, дальше до кабинета начальника. Хорошо, если застану его на месте. После всё то же самое в обратной последовательности до такси. И все это с увесистым баулом в зубах. А он тяжелый. Я знаю, проверяла.

Нет уж.

Раз Дениска даёт добровольное согласие на эксплуатацию, буду эксплуатировать.

– Ради такого дела я даже разрешу тебе опрокинуть на себя еще один стаканчик с кофе, – подмигиваю, широко улыбаясь.

Оперативно отщелкиваю кнопки чемодана, извлекаю наружу черную кожаную папку и, прижав ее к груди, закидываю сумку на плечо.

– Засекай, – стучу по запястью, где деловые люди носят часы, и, не оглядываясь, избегаю по ступеням.

У меня нет ни единой мысли, что новый знакомый вдруг решит смотаться, прихватив мои нехитрые вещи. Зато куча идей, как быстренько найти Мамаева. Прикинув по времени, что утреннее совещание у главного шефа по-любому уже закончилось, и Степан Иванович приемную покинул, выбираю лифт слева. Он ближе к кабинету моего непосредственного начальника, а не приемной.

Нажав кнопку вызова на панели, задираю голову вверх,

отслеживая на табло перемещение кабины, и в так сменяющимся цифрам притопываю мыском балетки.

– Ну, давай... давай... давай... – подгоняю медлительный механизм, бубня себе под нос.

– Вера Владимировна, так сильно опаздываете, что явились на работу прямо с пижамной вечеринки, минуя дом?

Из-за спины раздается довольно громкий хмык.

Черт!

Он-то тут откуда? Большое начальство и их гости обычно пользуются как раз таки другим лифтом, который я решила проигнорировать.

Выдыхаю. Натягиваю на лицо приветливое выражение. Оборачиваюсь.

– Доброе утро, Виктор Алексеевич. И я Вас тоже рада видеть.

– Не верю, – фыркает Арский, неторопливо изучая мое лицо. – Слишком искусственная улыбка. Вам нужно больше практиковаться.

Р-rrrrr. Вот же зануда!

Стараюсь улыбаться естественней и не скрипеть зубами, но скулы сводит. Сомневаюсь, что получается лучше.

– Вера Владимировна, вы не ответили на мой вопрос по поводу... рубашки. Мне кажется, или она действительно сильно смахивает на мужскую?

Арский явно не собирается отвязываться.

Засовывает правую руку в карман, чуть склоняет голову

вбок и приподнимает бровь, опуская взгляд ниже. Скользит по оголенным из-за широкого ворота ключицам, по пуговкам сбегает ниже и замирает на узкой полоске оголенной кожи на животе.

– Мило, конечно, но... совершенно не вяжется с образом Ивана Сергеевича. Если мне не изменяет память, Ваш жених предпочитает строго деловой стиль одежды. А не настолько фривольный.

– Мне кажется, Виктор Алексеевич, или у Вас слишком повышенное внимание к моему жениху и его предпочтениям? – понимаю, что отвечать вопросом на вопрос грубо, но сдержаться не успеваю.

Плохо. Очень плохо. Непрофессионально.

Призываю всю железную выдержку, что есть в закромах, и стараюсь расслабиться. Вот она – проверка стрессоустойчивости в действии. И я ее почти проваливаю. Грубить руководителю конкурирующей фирмы, приехавшему к нам по каким-то важным рабочим вопросам, непозволительно. Ну или делать это нужно с холодной головой и милой улыбкой.

Хорошо, что на помощь приходит лифт. Он очень вовремя тренькает и гостеприимно распахивает двери.

– В нынешних обстоятельствах это обоснованно. Каждый шаг или действие играют роль. И ведут либо к победе, либо к поражению, – произнеся эту заковыристую речь, Арский кивает в сторону подъемника. – Прошу.

Захожу первой. Хозяин «Балтстройинвест» за мной. А

следом еще четыре человека, которых я как-то просматриваю в пылу беседы. Толпа мгновенно превращает просторную кабину в душную клетку. Еще и мой язвительный оппонент оказывается непозволительно близко.

— Ну, Вам-то можно не переживать, — понижаю голос до шепота, чтобы разговор не стал достоянием общественности, и все-таки прицельно жалую. — Вы свою победу почти за хвост держите. Или не почти и не за хвост, а надежно и за талию.

Задираю голову и открыто смотрю в глаза собеседника, не скрывая ехидной улыбки.

— Если уж начали, говорите прямо, Вера Владимировна. Не разочаровывайте меня, продолжайте, — подначивает Арский, прищуриваясь.

И я продолжаю.

— Иван мне рассказывал, что не раз встречал Вас в обществе Ольги Марковой. Дочери как раз того самого Василия Ивановича, который на сегодняшнем вечере объявит, в чьи руки передаст строительство жилого квартала «Жемчужина Невы». Интересное совпадение, не правда ли? Вы эти шаги имели ввиду, когда говорили о победе? Неужели, ради выигрыша даже на женитьбу согласитесь?

Хамлю, открыто намекая на бесчестную игру?

Да, именно так.

Пусть знает, что его давно раскусили и сделали соответствующие выводы... о чести и достоинстве. Тем более,

мне обидно за жениха и нашу фирму. Мы, точнее «Слайтон-строй», нисколько не уступаем «Балтстройинвест», а в чем-то может быть даже лучше. Но у Арского, как ухажера Марковой, шансов однозначно больше.

— У Вас, Вера Владимировна, сложилось неверное обо мне представление.

Виктор Алексеевич сужает глаза, не мигая, глядит в мои. Ожидаю, что вот-вот сорвется и нагрубит. Даже предвкушаю, как выведу его на настоящие, неподдельные эмоции. Но нет, спустя мгновение он уже весело ухмыляется.

— Впрочем, как и у меня в отношении Вас.

— Это Вы о чем?

Вместо ожидаемой вспышки гнева мужчина улыбается? Это сбивает с толку.

— Я думал, что Вы вся такая холодная правильная леди до мозга костей. Но, оказывается, это лишь красивый фасад. За ним прячется совершенно другая личность.

— Не понимаю, — встряхиваю волосами и бросаю взгляд на табло.

Да когда этот чертов лифт уже поднимется?

Кажется, идти пешком было бы быстрее.

— От Вашей одежды исходит стойкий запах ментола. Мужской запах.

Арский придвигает вплотную, склоняет голову, задевает носом мой висок, шумно втягивает воздух.

На секунду прикрываю глаза, пугаясь слишком тесного

контакта.

– И он не имеет никакого отношения к Игнатову, – заключает чуть хрипло и дальше уже весело. – А Вы рискованная штучка, Вера Владимировна. В одежде одного мужчины идете в логово другого. Я впечатлен.

– Да Вы...

Начинаю и замолкаю, с удивлением замечая за широким плечом собеседника распахнутые настежь двери лифта.

Когда он остановился? Почему я не слышала звукового предупреждения? И где все, кто ехал вместе с нами?

Вот же кошмар.

Непозволительная невнимательность. Радует, что еще никто не стоит и не наблюдает за нашим... разговором.

– Хорошего дня, госпожа Орлова. Надеюсь, Вы не пропустите сегодняшний вечер. Думаю, после него Ваше мнение изменится... не только обо мне.

Произнеся это, Виктор Алексеевич чуть заметно кивает, разворачивается и исчезает за углом.

Я же еще пару секунд глупо хлопаю ресницами, потом беру себя в руки, выкидывая из головы последнее непонятное предупреждение, и лечу делать то, ради чего собственно тут появилась.

Степана Ивановича, как и предполагаю, застаю в кабинете. Перебросившись с непосредственным начальником парой фраз, передаю ему папку и клятвенно заверяю, что в понедельник в девять утра буду, как штык, на рабочем месте.

В коридоре на мгновение замираю. Есть большое-пре-большое желание перед уходом заглянуть в кабинет к Ивану, крикнуть: «Сюрприз! Я вернулась!» и броситься с поцелуями на шею. Но не решаюсь.

Пусть Игнатов – мой жених, но в рабочее время он прежде всего коммерческий директор «Слайтон-строй», который скорее всего занят. Вполне может быть, с тем же Арским. Так что мое появление будет выглядеть нелепо. К тому же... рубашка. Не сомневаюсь, Виктор Алексеевич не преминет воспользоваться случаем и уколоть.

Откладываю раскрытие своего приезда до вечера и, больше не доверяя лифту, устремляюсь к запасной лестнице. Шесть этажей – не так уж много. Бегом спускаюсь вниз.

Кажется, будто поход в офис занимает пару часов, но Денис уверяет, что я справилась за шестнадцать минут. Подмигивает, говорит, что верил в меня, и по заранее проложенному навигатором маршруту в кратчайший срок доставляет до дома.

– Жду звонка, – произносит, в последний раз демонстрируя ямочки на щеках, когда я выхожу на тротуар, и резво уносится прочь.

Подхватываю свой любимый желтый чемодан за ручку и по пандусу закатываю в подъезд. Наконец-то добралась. Отсутствовала пять дней, а кажется, словно месяц.

Глава 3

Банкет в семь вечера. Сейчас только половина второго. Времени – вагон и маленькая тележка. Тем более к мероприятию собираюсь готовиться самостоятельно. Платье выбрано заранее. Аксессуары и обувь тоже. Маникюр делала неделю назад. Нанести вечерний макияж – труда не составит. А прическа... прическа для девушки – это чистые, хорошо уложенные волосы.

Завожу чемодан в комнату и приставляю к стене. Разберу позже. Сейчас хочется немного релакса и много вредного.

На кухне включаю чайник. В комнате – ноутбук. Выбираю миксовый плейлист и поднимаю громкость на семьдесят процентов, чтобы музыку было слышно в каждом уголке почти родной однонушки. Почти – потому что ее я планирую выкупить, как только накоплю оставшуюся для приобретения сумму. Осталось немного, да и родители обещали подкинуть. Так что при хорошем раскладе к концу года обзаведусь собственной жилплощадью.

Да, классно, я почти вижу этот момент, когда мы хлопнем по рукам с нынешним владельцем. Ему она все равно не нужна. Досталась по наследству. А я, как увидела, влюбилась.

Кстати, увидела совершенно случайно... Михаила. Он у нашего университета на доску объявлений свое приклеивал. Решил, что сдать квартиру студентам – лучше, чем непонят-

но кому. Те хоть не станут съезжать каждый месяц. И пусть я в тот момент заканчивала последний курс и была дипломником, договорились мы быстро и полюбовно. Спустя неделю я благополучно съехала из общаги, спасибо родителям, которые помогли финансами, и заселилась сюда.

Так и стала жить. Экономя и подрабатывая, попутно принимая спонсорскую помощь от папы и мамы, и мечтая уже о том дне, когда устроюсь на нормальную работу и смогу сама себя содержать.

Мечты, к слову, сбылись. С работой мне однозначно повезло. После выпускного я и месяца не отгуляла, как мое резюме одобрили в «Слайтон-строй» и пригласили на собеседование. Испытательный срок пролетел как один день, я вошла в штат полноценной рабочей единицей. И до сих пор работаю на первой своей работе. Пусть не совсем идеальной, но делающей меня финансово независимой от других и твердо стоящей на ногах. А это – главное.

Из динамиков раздается бомбическое вступление любимого трека и я, тихонько мурлыкая, рисую бедрами восьмерки и переодеваюсь в домашние шорты и футболку. Закалываю волосы в «хвост», чтобы не мешали, подхватываю чужую рубашку, а заодно свою испорченную, и несу обе вещи в ванную, чтобы отправить в стирку.

Не знаю с какого перепугу в голове вдруг возникает образ Арского. Но он настолько реалистичен, как и его царапнувшие за живое слова: «Стойкий мужской запах ментола,

исходящей от Вашей одежды, не имеет никакого отношения к Вашему жениху...», что злобно кривлю морщинку и с тихим бурчанием шиплю под нос:

– Тоже мне праведник нашелся! Бесишь! И вообще своих баб нюхать надо, а не чужих...

После этого заливаю в специальное отделение для кондиционера двойную порцию суперконцентрата с ароматом цветочного луга, а пару секунд спустя еще немного.

– Прости, Дениска, ты не виноват, просто под руку попался, – посылаю мысленные извинения новому знакомому и, прихватив из сумки его визитку, чтобы записать номер в телефон, шагаю на кухню.

Нужен перекус.

В холодильнике из съестного шаром покати. Даже хлеба нет, что неудивительно. Отсутствовала пять дней. Почти шесть. Зато есть печеньки. И всегда в наличие кофе и мороженое. Эти нехитрые богатства и достаю.

Хочется гляссе в домашних условиях, его и готовлю. Наливаю полчашки напитка, добавляю ложку сахара и закидываю внутрь пару шариков ванильного лакомства. Распечатываю упаковку крекеров и ловлю минуты истинного удовольствия.

Пусть весь мир подождет... но Горина в контакты вбиваю. Прикольный парнишка. Если пересечемся, я действительно порадуюсь. Вот с кем никакого напряжения в общении.

Убрав грязную посуду, еще раз осматриваю закрома и

прихожу к однозначному выводу, что поход в магазин неизбежен. Хочешь – не хочешь, а есть я скоро пожелаю. Сильно. Много. Пицца – не выход. Да и завтра будет лень куда-то выбираться.

Пока раздумываю над списком покупок, на экране всплывает напоминка, которая разом сбивает беззаботный настрой.

«Задержка четыре дня», – оповещает котик из установленного на телефон приложения «Мой календарь».

И разом как-то нахлынывают воспоминания об утреннем недомогании, которое я приняла за мандраж перед полетом, а следом о вечерней тошноте, списанной на не совсем свежие продукты в кафе при гостинице...

– Да ну нафиг, – выдыхаю неверяще, зарываясь пальцами в волосы, чем порчу «хвост».

Сказать, что нападает ступор, это ничего не сказать. Естественно, когда люди занимаются сексом, последствия могут быть, и я – не ребенок, чтобы этого не понимать, но...

Но мы всегда (всегда!) предохранялись.

И пусть статистика говорит, что стопроцентная защита – это полное воздержание... а у презервативов только девяносто восемь...

– Да ну нафиг! – повторяю уже громче. – Мы не могли попасть в оставшиеся два.

Однако сомнения в моей голове множатся.

– В аптеку! Точно, мне нужно в аптеку, – принимаю самое

мудрое решение и пулей устремляюсь в комнату, чтобы переодеться.

У меня нет однозначного ответа на вопрос: «Обрадуюсь ли я двум полосочкам?».

Потому что особо об этом никогда не задумывалась.

Хотя, нет, не так. Задумывалась в начале наших с Иваном отношений.

И эту тему мы обсуждали еще в прошлом году, но пришли к выводу, что дети – точно круто и здорово, но только после свадьбы. А о последней разговор так ни разу за почти полтора года не зашел.

Ну не мне же его начинать...

А теперь...

– Хватит! – обрубая панические мысли. – Будем решать проблемы по мере поступления.

Но и спустя час ситуация понятней не становится.

Тесты я сделала. Целях два. Все же говорят, что один может быть бракованным, бери больше. Я и взяла. Время, как в инструкции написано, выждала. Результата дождалась.

Сиюю теперь и смотрю. А он, результат, не радует. От слова «совсем».

Потому что один из тестов четко показывает одну полоску, а второй, паразит такой, две. Ярких.

– И что это значит? – обращаю свой вопрос в никуда, сидя со скрещенными по-турецки ногами посреди ванной комнаты.

«Пи@дец!» – отвечаю себе же пришедшими на память словами Дениски.

Глава 4

Платье сидит идеально. Прическа мне тоже нравится. Про два бестолковых теста стараюсь не вспоминать. Есть, конечно, желание запихнуть их оба в сумочку, которую прихватываю с собой, но потом передумываю. Ивану сегодня и так будет нервно. Зачем добавлять лишнего беспокойства?

Надеюсь, хотя бы сюрприз с моим возвращением и появлением на вечере его порадует. И, чем черт не шутит, а вдруг Василий Иванович Марков выберет генеральным подрядчиком нашу контору, а не Арского, пусть тот и вьется ужом вокруг единственной наследницы питерского миллиардера.

Телефон пиликает сообщением. Такси подъехало и ждет внизу. Бросаю последний взгляд на себя, красивую, вдеваю ноги в безумно шикарные туфли на шпильке и выпархиваю за дверь.

Адрес арендованного банкетного зала в «Юсупов-холл» водителю известен. И пусть сама там ни разу не была, уверена, сориентироваться труда не составит.

Так и получается. Расплатившись с таксистом, аккуратно выбираюсь на улицу и осматриваю помпезный фасад здания в стиле барокко. Трехэтажное, монументальное, с обилием лепнины. Широкую лестницу наверх венчает балюстрада, козырек придерживают витые белоснежные колонны, массивные двери с мордами львов гостеприимно распахнуты.

Рядом топчется швейцар.

Уровень премиальности прямо-таки зашкаливает.

И это я еще внутрь не вошла, где, не сомневаюсь, увижу не только просторные помещения с огромными хрустальными люстрами под высокими потолками и множество зеркал, расширяющих пространство, но и позолоту в многочисленных украшениях, а также массивную мебель.

Со стороны небольшой парковки раздаются голоса. Трое мужчин и пара женщин приближаются, о чем-то весело переговариваясь. Одного взгляда на их дизайнерские вещи хватает, чтобы понять, это тоже участники сегодняшнего вечера. Не из нашей конторы и не Арского, там я многих знаю в лицо. Значит, «Нева-стройтрест». Третья организация, что дошла до финала из десяти, подавших первоначальные заявки, и сегодня наравне с нашей фирмой и «Балтстройинвест» будет ждать оглашения результатов выбора заказчика.

– Вера-Вера, как всегда очаровательна, обворожительна и умопомрачительна, – веселый голос раздается из-за плеча, отвлекая от переглядываний с незнакомцами.

Обернувшись, встречаюсь глазами с Михайловым. Он приближается широким шагом, всем видом демонстрируя безмерную радость.

– Приветствую тебя, красotka.

Михайлов – один из троих во всем «Слайтон-строй», кто общается со мной на «ты». Помимо него так делает только мой жених и Валентина, его секретарь, а заодно моя прия-

тельница-подруга. Остальные строго следуют не столько правилам делового этикета, сколько элементарным правилам вежливости, обращаясь исключительно по имени-отчеству.

– Привет, Дим. Рада видеть, – улыбаюсь мужчине, несколько не лукавя.

Есть у него способность без мыла влезать в любое место и налаживать контакты, при этом грамотно выполнять свою работу и часто помогать другим или прикрывать их косяки. А мне он симпатичен за то, что говорит все, что думает, не стараясь казаться лучше. Но и границ, вконец наглея, не переходит.

– А ты почему один? Где твой шеф и остальная братия? – имею ввиду главного инженера и его службу.

– Думаю, уже внутри, – кивает на здание, которым я недавно впечатлялась. – Они же настолько пунктуальные, что приезжают почти на час раньше необходимого.

– Отстаешь от коллектива, значит? У вас же как Тимур и его команда – один за всех и все за одного, – подкалываю беззлобно.

Знаю: быть как все – для Михайлова скучно.

– А я не настолько богат лишним временем, как, похоже, и ты, – подмигивает, совершенно не обижаясь. – Ладно, пойдем внутрь, начало через десять минут, нужно успеть влиться в толпу и занять лучшие места. Не против моей компании?

По-джентльменски подставляет локоть.

– Очень даже за, – без сомнений принимаю помощь. – Ненавижу заходить в незнакомые места одна. Так что, будь уверен, я у тебя на хвосте, пока не сориентируюсь. А там уж извиняй, вполне вероятно слиняю.

– Орлова-Орлова. Как всегда, прямолинейна, – фыркает Михайлов, ехидно закатывая глаза. – У тебя папа, случайно, не железнодорожник?

– Нет, военный. К чему вопрос? – вскидываю бровь.

– Да так. Хотел схохмить про прямую, как рельса, дочку железнодорожника, но, раз военный, пожалуй, не буду рисковать.

– Вот и правильно, – киваю с серьезным видом. – Риск, Дима, дело, конечно, благородное. Однако... последствия могут больно приложить по одному месту. Ну чего замер, мы же, вроде бы, опаздывали.

Тяну Михайлова вперед, в то время, как он замирает будто вкопанный и удивленно пялится на меня во все глаза.

– Нет уж, Вера, погоди. Ты мне что, угрожаешь?

И смотрит как на восьмое чудо света.

– Да с чего ты взял, – отмахиваюсь, беря его на буксир, – просто, как и ты, шучу. Разве не похоже?

– Знаешь, Орлова, не очень, – фыркает приятель. – Шуточки у тебя... армейские и совершенно никак не ассоциируются с внешностью ангелочка.

– Ой да ладно! – хмыкаю в ответ. – Ты тоже, знаешь ли, на трусишку зайку серого не катишь. Хватит сердечный при-

ступ разыгрывать, на нас и так сливки общества пьются.

Вместе переводим взгляд на стоящих в центре холла трех снобов, взирающих на остальных с царским пренебрежением и нотками брезгливости во взгляде, прыскаем, не сдержавшись, и скоренько улепётываем в сторону распахнутых трехметровых дверей.

Вот мы были, а вот нас уже нет. Продолжая милую пикировку, приветствуем хостес на входе и попадаем в банкетный зал.

Что сказать? Уровень даже выше, чем я рассчитывала.

Это не новогодний корпоратив в дорогом ресторане среди своих коллег. Это самая настоящая светская тусовка. Закрытая вечеринка в огромном помещении в четыреста квадратных метров с отглаженными и начищенными до блеска официантами, диджейским пультом, зонами для танцев, дегустации вин, анимацией, и с кучей народа самой высшей пробы. И вся эта живая масса перемещается с бокалами шампанского и галдит, галдит, галдит...

– Дима, как хорошо, что я тебя встретила. Одна бы точно потерялась, – выдаю Михайлову на ухо, забывая хохмить.

Я не первый раз выхожу в свет, если можно так выразиться. За пять лет случалось посещать различные мероприятия. По работе и не только. Но сегодня – это что-то грандиозное.

У меня глаза разбегаются от очень сдержанных нарядов некоторых дам, проплывающих мимо, и их дизайнерских украшений, тоже очень сдержанных, правда, имеющих

непременно космическую стоимость. Да и кавалеры у этих леди под стать: выправка, поворот головы, пресыщенность во взгляде, пошитая на заказ одежда, неброские, но явно баснословно дорогие аксессуары.

Голову даю на отсечение, это совершенно точно не служащие всех трех контор, приехавшие поддержать своих руководителей. Это явный бомонд из тусовки Маркова, приглашенный лично хозяином мероприятия для придания статусности будущему событию.

Хотя не удивительно. Среди гостей мелькают представители телевидения. «78-канал», – читаю я надпись на микрофоне.

Такие же, как мы с Михайловым, тоже присутствуют, хоть и в меньшинстве. И заметно выделяются не столько внешним видом, сколько более живым выражением лиц. Живым и естественным.

– То же мне, выставка элитных самцов и самок, – фыркаю, никого не стесняясь, а затем даю себе мысленную оплеуху за то, что с какого-то фига принимаюсь анализировать собственный наряд и его уместность.

Что за дурь?! Ну-ка прочь из головы!

Быстро беру себя в руки.

Я прекрасна! Кому не нравится – идут мимо. Их мнение для меня – ничто. Главное, что я нравлюсь своему жениху.

А кстати, где он?

Глава 5

Оборачиваюсь, чтобы осмотреться и постараться найти его в толпе, но первым, на кого натыкаюсь, причем вполне буквально, оказывается Арский.

Вот же черт из табакерки.

– Вера Владимировна, добрый вечер. Рад видеть Вас сегодня вновь, – произносит он с улыбкой, будто нашел именно того, кого искал, и следом протягивает руку Михайлову.

Ожидая сухого ничего незначащего приветствия, но мужчины удивляют. Здравуются как старые приятели, умудряясь при этом переброситься взаимными подколками.

Неверяще хлопаю ресницами, переводя взгляд с одного на другого.

То, что они знакомы, и не шапочно, можно уже не уточнять. Слишком добродушные ухмылки у обоих на лицах, да и позы расслабленные. Однако, неожиданно.

Ладно, мой сослуживец. Дима со всеми на короткой ноге. К его поведению я привыкла.

Но Арский?

Он же человек настроения, которого никогда заранее нельзя просчитать. То ледяной айсберг с язвительными репликами, парой вопросов заставляющий нервничать даже самых лучших профессионалов и держаться от него подальше. То душка-обаяшка с широкой белоснежной улыбкой,

что настораживает окружающих еще больше. Меня так точно. И при любом раскладе этот мужчина соблюдает дистанцию. По крайней мере, так было до сегодняшнего дня всегда.

– Прекрасно выглядите, госпожа Орлова, – обращается он вновь ко мне. Медленно скользит взглядом с головы до туфель и обратно возвращается к глазам. – Платье Вам гораздо больше подходит...

Краснеть не собираюсь. Но его комментарий, который специально повисает в воздухе недосказанным, прямым текстом намекает на утреннюю встречу в лифте.

Вот же язва злопамятная.

– Надеюсь, в этот раз Вы меня обнюхивать не станете? – выпаливаю и отступаю на шаг, игнорируя Михайлова, взирающего на нас с немym изумлением.

Ничего страшного. Не в курсе же всего ему быть.

– В этом нет необходимости, Вера Владимировна. Ваши духи, если не ошибаюсь «Trussardi My Name», я давно запомнил. Вы им уже несколько лет не изменяете, – пожимает плечом.

Сказать, что он меня шокирует?

Так и есть. Подтверждаю: шокирует.

Стою и хлопаю глазами, поражаясь его умению подмечать детали, запоминать и делать выводы. Он – не человек, компьютер.

– Недавно сюда пришли? – обращается он уже к Дмитрию как ни в чем не бывало. – Смотрю, у вас даже напитков еще

нет.

– Так и Вы, Виктор Алексеевич, заполненными руками не блещете. Тоже все бегом и бегом? – хмыкаю, демонстративно опуская взгляд на его ладони.

Вспоминать о столкновении, произошедшем не далее, чем пять минут назад, не собираюсь. Хотя все же стоит порадоваться отсутствию у него бокала. Иначе еще одна жидкость в этот бесконечный день оказалась бы на мне.

– Отличная идея, ребята, – Михайлов умело делает вид, что всё в порядке, и широко улыбается, глядя на нас по очереди. – Вить, приглядишь за Верочкой? Я быстренько к бару метнусь и организую всё по высшему уровню. Даме – игристое, джентльменам – чуть покрепче, – «как любим» – эту часть он не произносит, но почему-то мне кажется, что она была бы вполне уместна.

– Без проблем, – Арский успевает ответить первым, и, чтобы не выглядеть глупо, я просто киваю.

Ну не сожрет же он меня прилюдно?

А так, постоим, помолчим или поговорим, а я между делом Игнатова поищу. Где-то же тут должен находиться пропащий жених? Тем более торжественная часть вот-вот начнется.

Будто вторя моим мыслям, музыка, звучащая в разных концах зала, приглушается, оставаясь лишь фоном, а на небольшое возвышение в центре, созданное искусственно, которое я прежде не замечала из-за плотной толпы, подни-

мается молодой человек с микрофоном в руках. Хорошо поставленным голосом он приветствует всех гостей и напоминает о причине мероприятия, стягивая на себя внимание.

– Разве Вы не должны быть там же? Среди них? – обращаюсь к Арскому, расслабленно стоящему рядом. – Я имею ввиду присутствующих у сцены.

Теперь, когда почти все зрители развернулись в одном направлении, я замечаю в первых рядах самого господина Маркова. Он улыбается в компании губернатора, его зама по строительству и еще нескольких лиц, то и дело мелькающих на телевидении. Чуть дальше вижу своего жениха. Иван держится рядом со своим отцом Игнатовым Сергеем Сергеевичем, генеральным директором «Слайтон-строй». Остальных мужчин и женщин, что их окружают, я не знаю.

– Нет. Не должен, – отвечает он ровно, поворачивая голову ко мне. – Я и отсюда все прекрасно вижу. Тем более, Ваша компания, Верочка, меня устраивает значительно больше.

Вот же! Я понимаю, что он специально использует моё имя в той вариации, как до этого произносил Михайлов, но реакции собственного тела – легким колким ощущениям вдоль позвоночника – удивляюсь.

Непривычно. Я рядом с Иваном давно чувствую себя ровно. Никакого мандража, мурашек, потеющих ладошек. Обыкновенное ровное тепло и нежность к близкому человеку.

А тут будто против шерсти гладят.

Хотя... – нахожу для себя подходящее объяснение, – всё элементарно.

Я – молодая, впечатлительная и хрупкая. Мой жених – мой одноклассник, с легким нравом, открытый, добродушный. Фигура под стать моей – худощавый, выше всего на треть головы. Зеленоглазый блондин, красавчик. С ним легко, уютно и безопасно. Он не внушает страха и трепета, находясь рядом. Не заставляет ершиться иголки и готовиться обороняться.

И Арский – взрослый мужчина, уже давно не мальчик, опытный, заматерелый хищник.

Отворачиваюсь от сцены и в наглую принимаюсь его изучать. Ну, раз уж он считает уместным фамильярничать, я тоже буду наглей.

Высокий, широкоплечий, с гордой осанкой. С первого взгляда от него самого, как и от делового костюма, явно пошитого на заказ, разит благосостоянием. Часы на руке, запонки с черным фианитом, ботинки до блеска начищены, графитовая рубашка с едва заметной сатиновой глубиной. Арский похож на итальянца – смуглый, темноволосый. Широкие брови, высокие скулы, а под ними недельная щетина. Она выглядит жесткой и вызывает такой мощный диссонанс с дорогим костюмом и золотыми часами, будто специально для контраста отрачивалась. Глаза для такого типажа слишком светлые – серые, но с тем же самым сатиновым отблеском. До неприличия, почти демонстративно, привлекательный, самоуверенный мужчина около тридцати пяти лет, из-

балованный деньгами и собственной натурой.

– А Вы почему не там, рядом с женихом? – спрашивает Арский, совершенно спокойно воспринимая мое внимание.

Вот же непробиваемый. Хоть бери и учись его твердокожести.

– Иван не в курсе, что я вернулась из командировки раньше. Устрою сюрприз чуть позже. Сейчас, уверена, его поддержка нужна отцу. Не хочу отвлекать, – пожимаю плечами.

Да, все именно так и есть, как говорю.

И на фразу Арского: «Ну надо же как вовремя Вас сплывили, Вера Владимировна», произнесенную приглушенно, никак не реагирую. Вполне могло послышаться. Да и не хочу с посторонним обсуждать личные дела.

Между тем говорливый молодой человек на сцене завершает свое пафосное приветствие гостей и приглашает подняться Маркова, чтобы огласить то, ради чего конкретно нас сюда позвали.

– О, я вовремя, – Михайлов, ловко обогнув стоящую неподалеку парочку, пристраивается ко мне с другого от Арского бока. – Держите.

Вручает каждому напиток.

Хочу повернуться и спросить, как умудрился принести сразу три фужера и ни один из них ни на кого не опрокинуть. Для меня сегодня этот вопрос – просто тема дня. Но Василий Иванович уже достает из внутреннего нагрудного кармана белоснежный конверт.

Музыка замолкает почти под ноль, громко звучат приветственные фанфары, а мужчина уверенно распечатывает заклеенную бумагу и вытаскивает белоснежный картонный прямоугольник. С улыбкой он демонстрирует его гостям. Конечно же, все это красивая игра на публику. И заказчик как никто знает, кому он отдал предпочтение. Но...

Но все заинтересованные лица замирают. Или это мне так кажется, потому что я действительно затаиваю дыхание и безмерно желаю победы именно нам?

Не потому, что это логично, ведь этим договором мы обеспечим себя работой на несколько лет вперед, а из-за знания, как сложно он достался «Слайтон-строй», как много сил и времени потратил Иван, чтобы сейчас претендовать на победу. Мы практически не виделись с ним последние пару месяцев, если не считать одного-двух вечеров в неделю. Жених с головой ушел в разработку проекта, курировать который доверил ему отец. И это большая честь для Ивана. Сергей Сергеевич – не тот человек, кто позволит работать спустя рукава, он со всех требует одинаково много, даже с собственного сына, который прежде чем сесть в кресло коммерческого директора, работал обычным финансовым аналитиком.

– Итак, мои друзья, мы рассмотрели все предложенные проекты застройки «Жемчужины Невы» и выбрали самый, по нашему с коллегами общему мнению, лучший, – Марков весело улыбается, выдерживая паузу, а затем продолжает. – Не буду говорить много, а просто приглашу присоединить-

ся ко мне Сергея Сергеевича Игнатова, руководителя «Слайтон-строй». Да, наработки именно этой команды нас больше всего впечатлили, и мы с радостью будем ждать их воплощения в жизнь.

Под аплодисменты отец Ивана легко взбирается по ступеням к Маркову. Я же во все глаза гляжу на жениха, мысленно поздравляя его с успехом.

Это здорово! Это круто! Мы победили! Ванька – молодец! Он заслужил. Я им сильно и от души горжусь. Даже решаю все-таки подойти. Ведь теперь уже можно открыть свое инкогнито и обнять его сильно-сильно.

Чуть не подпрыгивая от нетерпения, извиняюсь перед мужчинами, Михайловым и Арским, предупреждая их, что ухожу, но Дима, перехватив за локоть, отрицательно качает головой.

– Подожди немного, тебя там затопчут сейчас, – кидает он вполне логичное объяснение.

Смотрю вперед, где действительно собирается плотная толпа желающих выразить почтение лидерам, а еще телевидение, и остаюсь.

Ладно, немножечко обожду, но потом...

В этот момент генеральный директор моей организации заканчивает свою короткую благодарственную речь, ни одного слова которой я так и не успеваю услышать, а затем среди шумного зала довольно громко раздается четко поставленный женский голос:

– Василий Иванович, канал 78-ТВ, скажите, пожалуйста, выигрыш «Слайтон-строй» никак не связан с тем, что на вчерашнем званом вечере в «Гранд-Петро» Ваша дочь, Ольга Васильевна Маркова, и сын Сергея Сергеевича, Игнатов Иван Сергеевич, – кивает она в сторону моего жениха, – официально объявили о своей помолвке?

Глава 6

– Что?

Мне кажется, я произношу это про себя, но ошибаюсь. Потому что Михайлов отвечает:

– Верунь, ты реально не знала? Они же даже не скрывались. Постоянно то на вечеринках вместе появлялись, то в ресторанах обедали-ужинали.

– Давно?

Вопрос стеклом царапает горло, но я его задаю.

– Ну... больше месяца точно, а до этого... кто знает. Я специально за ними не следил, но несколько раз в одних и тех же местах пересекался.

– Нет, Дима, я не знала... – поднимаю на него взгляд, отворачиваясь от сцены, куда уже поднимается обсуждаемая нами парочка влюбленных. – И мне никто ничего не говорил.

Отстраниться от происходящего, задвинуть истерику подальше и продолжать непринужденно вести беседу – надо, Вера, надо!

Сжимаю зубы покрепче, а бокал обхватываю сразу обеими ладонями. Они трясутся, и по возможности это нужно скрыть.

– Неудивительно, – фыркает сослуживец, в то время как Арский продолжает стоять с нами рядом, не участвуя в разговоре, но внимательно слушая. – У нас же еще тот террари-

ум, а не организация. Все друг другу мило улыбаются, кланяются, по имени-отчеству называют, а как завернешь за угол, в след уже несутся язвительные проклятия. Вот скажи мне, ты много себе друзей-коллег завела за несколько лет работы?

– Нет, – произношу то, о чем он и так в курсе. – Ты и Синюхина. Всё.

– Вот и ответ, – Михайлов совсем не весело улыбается. – Все наши интеллигенты тихо злорадствуют за спиной, а в глаза смотрят, аки ангелы. А что касается, почему конкретно я тебе ничего не сказал, отвечу. Я не стал этого делать, потому что еще десять лет назад дал зарок не лезть в чужое личное. Уж, прости, подруга, но в свое время очень хорошо отхватил за подобное. Не любят у нас люди тех, кто им плохие известия приносит, и моментально делают козлами отпущения, руша дружбу, создаваемую десятилетиями. И совсем неважно, это те, кого ты обличал, или те, кому открывал глаза. Ненавидят тебя оба поровну. Да и если уж на то пошло, ответь, Вер, сколько раз мы с тобой вели серьезные душевные беседы за те полгода, что я работаю в «Слайтон-строй»? Согласись, ни разу! Так, время от времени перебрасывались парой-тройкой фраз, да что-то на ходу обсуждали в короткий обеденный перерыв раз в две недели. И потом ты сама придерживалась официального стиля общения, не особо подпуская к себе, а я несильно навязывался.

Прикусываю губу, совершенно забывая на то, что дома наносила увлажняющий блеск, и киваю.

Всё верно.

Михайлов во всем прав. И обвинять его глупо.

А как бы я сама поступила в аналогичной ситуации?

Узнала про изменяющую ему подругу, которая к тому же является начальницей. И что? Побегала бы докладывать и открывать глаза на правду-матку? Не уверена.

Скорее всего сделала бы аналогично: не стала вмешиваться.

– А Валентина? – намекаю на подругу-приятельницу. – Тоже принципы?

– Не знаю, – Димка пожимает плечами, глядя на меня совершенно серьезно. Хорошо, что без жалости, она мне вовсе не сдалась, – но предположениями поделюсь. Может быть, она слишком верной секретаршей оказалась, которая секреты шефа ставит выше вашей дружбы. Ну или уж совсем «черный» вариант – Игнатов пригрозил ей увольнением, если станет много болтать. Девчонка испугалась.

– Да ну нет, Дим. Мы же про Ивана говорим, а ты его знаешь, – категорически отказываюсь соглашаться с последним соображением. – Он мухи не обидит. А угрожать людям...

Качаю головой.

– В очередной раз убеждаюсь, как сильно заблуждался на Ваш счет, Вера Владимировна, – впервые за всё время Арский вступает в разговор. – Каюсь, думал, что Вы, как и Игнатов-младший, такая же прожженная интриганка. Но теперь рад своей оплошности.

– Интриганка? Я? – неподдельно возмущаюсь, на минуту забывая о причине недавнего расстройств. – Ну знаете, Виктор Алексеевич, да Вы...

– Ольга Маркова – моя бывшая невеста, – не дает договорить мужчина.

Он произносит фразу негромко, даже с ухмылкой, едкой, колкой, адресованной точно не мне, скорее самому себе, хотя могу и ошибаться.

Замолкаю. Горечь, пропитывающая его слова, так остро бьет по моим собственным ощущениям, будто мы с ним переживаем одну трагедию на двоих.

– Невеста?

Не знаю, почему, задав этот вопрос, я оборачиваюсь в поисках поддержки к Михайлову, но тот не выглядит удивленным. И просто кивает.

В который раз убеждаюсь в своей догадке, между мужчинами не шапочное знакомство, а что-то значительно большее. Мой коллега в курсе многих событий, связанных с владельцем «Балтстройинвест».

– Совершенно верно, – Арский делает глоток из бокала, про свой, к слову, я в пылу беседы забываю, и продолжает. – Мы познакомились с ней на предновогодней закрытой вечеринке. Красивая девушка, образованная, милая, умеющая поддерживать беседу и эффектно себя подавать. Я ей заинтересовался. Пригласил на следующий вечер в ресторан. Затем еще раз. И еще. Она не отказывала, проявляя взаимную сим-

патию. Мы стали встречаться. Месяц, второй, третий. Официальную помолвку не оглашали, по мне всё это глупости, но о браке, не скрою, стал задумываться. Даже кольцо заказал, которое она выбрала...

Мужчина делает паузу, а я непроизвольно сглатываю. Если это всё правда, то...

– В первых числах апреля мне пришлось улететь во Владивосток, – продолжает, слегка прищурившись. – На полтора месяца. Хороший знакомый попросил помочь в решении кое-каких вопросов. Не мог ему отказать. Впрочем, не суть, – Виктор Алексеевич, обрывая сам себя. – Сюда, в Питер, естественно, несколько раз вырывался. Но набегам. С Ольгой видаться получалось только эпизодически, и подвоха я не замечал. Окончательно вернулся две недели назад. Мы с Вами в тот день столкнулись в дверях, я как раз заходил к Вашему начальнику, а Вы выбегали.

Киваю.

Я помню тот неловкий момент, когда всем прикладом впечаталась в руководителя «Балтстройинвест», чуть не сбив его с ног. Еще порадовалась, что он большой и крепкий, даже не отступил ни на сантиметр. Зато сцапал меня моментально, когда я подалась назад и чуть не шлепнулась на попу.

– Именно тогда я узнал, что Игнатов подсуетился и приложил все силы, чтобы увести мою даму. Ну как узнал? Дней десять Ольга от меня скрывалась, ссылаясь то на недомогание, то на отсутствие в городе. И я еще на что-то рассчиты-

вал. А во вторник набралась смелости и вернула кольцо.

– В этот вторник? – сиплю, потому что удивление зашкаливает.

Арский со своей историей однозначно переплевывает мою.

Хотя тут с какой стороны не смотри, результат остается одинаковым...

– Это что же получается, – неверяще качаю головой, глядя в стальные глаза, – они нам обоим изменяли?

И, не дожидаясь ответа, перевожу взгляд на сцену, где мой... Иван Игнатов обнимает за талию хрупкую жгучую брюнетку в белом искрящемся платье ниже колен и целует ее в висок, как часто делал... А та так искренне сияет, что пора лезть в сумочку за платком, иначе слезы умиления вот-вот накатят на глаза...

– Пи@дец, товарищи, – озвучиваю вслух Денискину про-роческую фразу. – Конкретный такой пи@дец!

И настолько в этот момент становится наплевать, кто меня слышит и что после этого подумает... совершенно, стопудово, безвозвратно на-пле-вать.

– Вера Вла...

– А скажите, Виктор Алексеевич, – перебиваю Арского, решая уточнить еще один важный момент, – я правильно понимаю, что всё сказанное Иваном про Вас, ну, то, что Вы дочку Василия Ивановича охмуряли ради победы в этом проекте, ложь?

– Правильно понимаете, – подтверждает он, ни минуты не раздумывая. – Работа не стоит того, чтобы жертвовать личным. Да и познакомились мы с Ольгой за три месяца до конкурса. О нем Марков объявил в конце марта.

– Спасибо, что рассказали, – у меня получается вполне естественно улыбнуться человеку, которого еще днем я мечтала растерзать. – Прошу прощения, что осудила Вас, сделав неверные выводы.

На пару мгновений пересекаемся с Арским взглядами, совершенно иными нежели несколько часов назад, и без слов друг другу киваем. Как люди, которых помимо воли связала некая тайна.

Уж не горе точно.

Ни хрена не буду я себя хоронить из-за мерзавца, не только унизившего меня как женщину, но и создавшему репутацию помойной тряпки, о которую легко и беззаботно можно вытирать ноги.

– Вера, ты куда? – Михайлов вновь пытается меня задержать, когда я разворачиваюсь, чтобы уйти.

Натягиваю на лицо аккуратную улыбку, делаю глоток игристого для храбрости и отступаю назад, высвобождая конечность.

– Извините, господа, но мне пора идти приветствовать жениха. К тому же, Дим, я предупреждала, что сбегу от тебя, когда со всем разберусь. Считай, что выполняю обещанное. Подмигиваю сослуживцу и, не позволяя себя остановить,

прокладываю путь прямым к сцене.

=====

Приглашаю в еще одну мою Сделку **"Чужой жених. Нам нельзя"** <https://litnet.com/shrt/9q9Y>

Мне казалось, мы оба влюбились с первого взгляда. Цветы, прогулки, разговоры. Нежность в каждом движении, забота, ласка. Огненная страсть на прохладных простынях.

 А потом он исчез.
 Мы встретились за десять с лишним тысяч километров от Москвы спустя несколько месяцев. Я по-прежнему свободная и чуть-чуть беременная. А он – он чужой жених.

=====

Глава 7

О, закатывать скандал я не планирую.

Не потому что боюсь осуждения в глазах окружающих или гнева генерального директора, который не потерпит прилюдного полоскания его фамилии в такой торжественный час. И уж точно не потому, что я забочусь о нервах жениха.

Перетопчется.

Скандала не будет прежде всего потому, что я не стану унижать саму себя.

Нет, падать ниже, чем опустил меня Игнатов, я не стану. Не дождутся. Ни чертов жених, ни сослуживцы, редкие взгляды которых теперь, после слов Михайлова, я расшифровываю довольно легко – злорадство. Злорадство, чуточку припорошенное удивлением.

Глядя на бликующие края своего бокала, проглатываю противный комок горечи, собравшейся в горле, запиваю его дорогим, но сейчас безвкусным шампанским, и выше поднимаю голову. Изображать беззаботную улыбку на губах и таинственный блеск в слегка прищуренных глазах мне, как юристу, труда не составляет.

Не доходя до «звезд» вечера, сворачиваю в сторону, приклоняюсь спиной к колонне и упираюсь открытым взглядом в жениха... уже не моего... Знаю, не пройдет много времени, прежде чем он заметит прикованное к себе внимание,

обернется и... Надеюсь ему достанет смелости, чтобы меня не игнорировать, а подойти.

Не сможет же он упасть в моих глазах еще ниже?

Как знать – как знать...

Уверенности нет ни в чем.

Пока же мужчина увлеченно принимает поздравления. Он смеется, положив одну руку в карман брюк, а второй за талию обнимает свою хрупкую невесту. Та рассказывает что-то увлекательное... что-то чертовски увлекательное, судя по тому, как на пару с каким-то седовласым мужчиной господин Игнатов-младший слушает ее и продолжает разбрасываться улыбками.

Втягиваю носом воздух и шарю глазами по широким плечам, длинным ногам и узким бедрам. Черный костюм сидит на нём потрясающе. Иван-подлец-Игнат неотразим. Несмотря ни на что, сердцу он кажется родным и близким, а вот мозг уже осознал глобальность катастрофы и разрывает сердце на части.

Официант подходит к их компании, предлагает напитки. Я знаю, что он выберет. И хмыкаю, угадав. Виски, его любимый напиток...

За полтора года отношений, я запомнила многие его привычки и пристрастия. Думала, что довольно хорошо изучила его натуру и характер, но ошиблась. Игнатов оказался темной лошадкой, хитрожопой темной лошадкой.

Мы познакомились с ним два с половиной года назад, ко-

гда он устроился в «Слайтон-строй» обычным финансистом. Первые полгода просто здоровались, как сотрудники одной фирмы, работающие в разных отделах. Позже стали перебрасываться шутливыми ничего не значащими фразами о погоде, природе, перекусах на бегу.

Я замечала, что ему интересна, но сближаться не планировала. Не потому, что он – сын директора, а потому что красавчик, душка-обаяшка, местный ловелас и все такое. Но Иван был настойчив, и через год упорных уговоров я дала нашим отношениям зеленый свет. Позже ни разу не пожалела.

Дура?

Теперь похоже, что да.

Родители воспитали меня в твердом убеждении, что все люди равны. И среди равных нет тех, кто еще ровнее. К чему я думаю об этом?

Все просто, Игнатов мне виделся таким же. Он – обычный мужчина, я – обычная женщина. Всё!

Он никогда не кичился наличием дорого автомобиля, шикарной трешкой в центре и одеждой, пошитой на заказ. Я не комплексовала по поводу съемного жилья и самых обычных родителей: отца-военного и матери-медика. Вот еще, у меня самые лучшие мама и папа.

И уж точно не задумывалась о пропасти, той самой, огромной и непреодолимой, о которой так часто все говорят. О пропасти между разными социальными слоями.

Сейчас, глядя на «идеальную» спутницу Игнатова, впервые ухватываю за хвост шальную мысль: а может быть и правда, рядом с таким мужчиной мне изначально не было места? И я для него являлась лишь временным увлечением?

В отличие от Марковой. Вот уж кто точно – его поля ягодка.

Фокусируюсь на ней и старюсь оценить с непредвзятой точки зрения. Улыбка сама по себе из принудительной превращается в настоящую. Все правильно. Тут даже вышка не нужна, чтобы понимать: Ольга – образец гребаного высокого вкуса и гребаной утонченности, гребаного ума и гребаной значимости. Она прекрасна, хотя в ней нет ничего вычурного. Даже прически нет. Идеально гладкое каре, которое идеально подходит ее не очень высокой, но очень женственной фигуре. Ослепительная улыбка на пухлых губах, профессиональный макияж, лицо сердечком, ямочки на щеках. Но, главное, от нее веет уверенностью в себе и той женской силой привлекательности, которые надежно подкрепляются папочкиными капиталами.

Идеальная, чтоб ее, спутница для Игнатова.

Принцесска для принца.

Я – предвзятая завистливая стерва?

Вполне возможно. Не буду спорить.

Но слова Арского из головы не выходят. Она «увелась» от одного денежного мешка к другому, потому что... почему?

Кошелек Игнатова оказался толще кошелька Арского?

И теперь, глядя на Ивана, не могу не задаваться аналогичным вопросом: а он в невесты взял Ольгу или дочь Маркова? Деньги к деньгам? Один сплошной расчет – так что ли? Хмыкаю.

С такого ракурса завидовать девушке желание пропадает. Зато нервное напряжение слегка отступает.

Вновь перевожу взгляд на широкую спину мужчины, прожигая в ней дыру. Не отцеплюсь. Не дождется. Буду смотреть, пока не воспламенится. Ну или пока не почувствует сверление в своем затылке.

Еще мгновение или сотню мгновений, я не засекаю, просто стою, Иван не реагирует, затем оборачивается. Скользит взглядом по присутствующим, пробегает мимо меня, не цепляясь, уходит в сторону... и резко возвращается.

Время застывает.

Салютую ему бокалом.

На губах играет все та же очаровательная улыбка, с которой я недавно мысленно препарировала Маркову. Теперь с удовольствием наблюдаю, как он дергается и бледнеет.

– В саду, – произношу одними губами и, оттолкнувшись от надоевшей уже колонны, разворачиваюсь и прохожу сквозь распахнутые двери во внутренний дворик.

Сумерки еще только вступают в свои права, а уже повсюду работает иллюминация, создавая островки света и в противовес – укромные уголки. На довольно большой территории центральное место занимает трёхъярусный фонтан с широ-

ким бортиком, где с удобством расположились несколько человек. Слева скамейки-качели и резная беседка под изогнутой крышей. Там тоже есть народ.

Справа зеленые насаждения и кустарник, между которыми вьется тропинка. Иду туда.

Где многолюдно – не вариант. Мы же выяснять отношения собираемся. Вдруг кто подслушает?

– Вера. Я думал, ты в Москве, – за спиной раздаются то-ропливые, но уверенные шаги, а затем голос Ивана.

Ух, кто-то боялся не успеть.

– Решила сделать тебе приятный сюрприз и прилетела раньше. Но ты с сюрпризом опередил, правда, он оказался с другой полярностью, – оборачиваюсь, лишь когда нас скрывает тень деревьев, и все подряд не могут быть свидетелями неприятной беседы. – Тебя, наверное, следует поздравить?

Язвить получается хорошо, голос не подводит. А вот сердце срывается в галоп и молотит по ребрам со всей дури. Так, что эта скачка отдается дрожью в руках.

– Прости, я... – и замолкает.

Миленько.

– Ты хоть кольцо ей купил взамен того, которое она жениху вернула? – хмыкаю, вкладывая в слова все презрение, что к нему испытываю. – Или как на мне сэкономил?

– Вера. Ты не понимаешь, мы...

– Влюбились друг в друга с первого взгляда? Когда? Два месяца назад? Три? Или, погоди! – поднимаю руку. – Сама

угадаю. Наверное, в начале апреля. Или даже в конце марта? Когда там Марков объявил о конкурсе?

– Ты ничего не понимаешь! – неожиданно рывкает он. – Я... – зарывается пятерней в свои светлые волосы, мгновенно нарушая идеальную прическу. Хотя и это его не портит, лишь меняет образ паиньки на образ плохиша. – Отец, он настаивал... Я не мог его подвести.

– Ай-ай-ай! – стерва во мне распаляется все сильнее, но и трясоти начинается, как в ознобе. С каждым новым предложением Игнатов зарывает мое собственное эго все глубже. И истерика незаметно подбирается, наступая на пятки. – Хочешь сказать, маленький мальчик двадцати восьми лет не смог сказать папочке: «Нет»? Реально? Тебя пожалеть?

Качаю головой, не веря в этот бред.

– Вань, а ты когда вообще собирался сказать мне правду? Мнется. Челюсти сжимает, но смотрит прямо. И нет в его взгляде того, чего жду. Никакого, мать его, сожаления. Холод и недовольство.

– Я же не ослышалась? – продолжаю говорить, потому что он молчит. – Завтра вы с... невестой улетаете отдыхать на три недели? Рим, Лион, Париж, Барселона. Таковую, кажется, последовательность называл твой будущий тесть?

– Да, правильно, улетаем, – хмыкает он, качая головой. – И да, Вера, мы не должны были увидаться. Вот на хрена ты приперлась раньше? Зачем, Вера?

– Что?

Меня конкретно так замыкает. Весь словарный запас теряется.

— У нас же все хорошо было. На кой леший ты прилетела раньше? — хватает меня за плечи и встряхивает.

А я его руки чувствую, и меня в прошлое швыряет. Господи, как же сладко и больно одновременно становится. Вот он мой. И не мой.

На части рвет.

— Вань, — улыбаюсь невесело, в его зеленые глаза заглядывая, — неужели ты думал, что я не узнаю? Проглочу и...

Снова мотаю головой.

Господи! Как же хочется стереть себе память, каждый день, что мы были вместе, когда я целиком принадлежала ему, а он...

— Между нами ничего бы не поменялось, — его убеждение в своей правоте и моем согласии ломать себя ради его интересов... оно такое железобетонное.

Я считала, что знаю Игнатова?

Идиотка. Круглая. Я даже слушая его сейчас, никак не могу уцепить логику.

— Скажи, а зачем ты продолжал со мной встречаться, если у тебя все серьезно с этой Ольгой планировалось?

— Именно потому, что серьезно, — отвечает он. И когда я хмурюсь, не понимая его объяснения, продолжает. — Она же не шлюха, чтобы я ее до свадьбы имел.

— Ну ты и сволочь, — выдыхаю ошарашенно.

Он был моим первым и единственным мужчиной. И то, в какое дерьмо одной своей фразой окунул...

– Уходи, – шепчу помертвевшими губами и глаза закрываю.

Не могу его видеть. Противно. От него противно. И от себя, что оказалась слабой и поддалась полтора года назад на красивые слова и искристые глаза.

Поверила, дурочка.

Теперь точно дурочка.

Слепая доверчивая дура.

– У тебя будет время подумать. Не руби с горяча, Вера. Я – лучший твой вариант. А если ты из-за кольца расстроилась, так куплю я тебе цацку. Можешь сама выбрать, пока я не вернусь.

Качаю головой, по-прежнему не поднимая ресниц. Если открою глаза, слезы не сдержу. А я не хочу его радовать тем, что он меня одной фразой растоптал.

– Уходи, – повторяю беззвучно и радуюсь, когда слышу удаляющие шаги.

Хорошо, хорошо, пусть проваливает.

Наощупь дотягиваюсь до дерева, упираясь в него для опоры, и сильно-сильно сжимаю зубы.

Держаться, Орлова, держаться!

Вот до дома доберешься и...

Жуткая боль прошивает низ живота, заставляя охнуть в голос и согнуться пополам.

Господи, только не это. Не так.

Мольбы остаются неслышанными. Ежедневка оказывается бесполезной, а по ногам обильно течет.

Глава 8

Живот горит огнем, пальцы совсем холодеют. Перед глазами картинка плывет. И, судя по лихорадочному жару на щеках, скачет температура.

– Как же все не вовремя, – бую под нос, неторопливо разгибаясь.

Нужно срочно решать, как выбираться. И по-хорошему минимизировать любые встречи.

Как не печально признавать, прав оказался бывший женишок: сидела бы дома, избежала бы многих проблем.

И оставалась все той же бестолковой клушей, которой пользуются для удобства?

Нет. Ни за что.

Я всё правильно сделала. И пусть Игнатов думает, что уболтал и красиво съехал, а я молча проглотила и смирилась... ну-ну. Еще посмотрим, кто кого.

Пусть я не ВИП-самка, но гордости от этого у меня не меньше. А месть – блюдо, принятое подавать холодным. Не знаю, что, не знаю, как, но я придумаю. И отыграюсь.

Подставлять вторую щеку, когда со всего маха огребла по первой, – нет, не мой вариант.

Так, аккуратненько выпрямляюсь, медленно выдыхаю, осматриваюсь. Единственное, что в этой кошмарной ситуации приходит в голову – поймать официантку. Женщина

женщину всегда поймет, особенно, как не смешно, средний класс – средний класс. И очень рассчитываю, что поможет.

– Нет, тут ты не прав, будем еще думать... Э-э-э, Вера Владимировна? – знакомый голос со стороны тропинки заставляет вздрогнуть, отчего опоясывающая боль простреливает новым спазмом.

Прикусываю губу, чтобы не застонать, и упираюсь взглядом в Арского. Он стоит неподвижно и странно на меня смотрит. То, как быстро темнеет его лицо, пугает.

Прослеживаю, что так сильно заинтересовало или не понравилось, и мысленно матерюсь. Для сегодняшнего вечера я выбрала платье из плотной золотисто-бежевой ткани. К несчастью, оно оказалось с повышенной гигроскопичностью. В общем, произошедший со мной конфуз для нечаянного свидетеля становится очевиден.

Черт! Черт! Черт!

Не успеваю сориентировать и сообразить, что Виктор Алексеевич до встречи со мной с кем-то разговаривал, как число свидетелей возрастает вдвое.

– Вера? – из-за плеча Арского выглядывает Михайлов. – С тобой всё в по...

Господи, как же хочется взвыть, громко и протяжно, закрыть лицо руками и притвориться, как в детстве, что если я никого не вижу, то и меня тоже...

Но руки к сожалению, заняты. В одной держу сумочку, другой упираюсь в дерево. Без опоры пока никуда.

А бокал? Пустой бокал валяется в траве. Его я выронила, когда прострелил первый самый болезненный спазм.

– Всё нормально, – произношу несусветную чушь и прикрываю пятно на подоле клатчем. Уж лучше так, чем смотреть на два шокированных мужских лица.

– Ага, нормально, я заметил. Только еще пять минут, и ты в обморок грохнешься, – выдает Арский, перед этим смачно выматерившись. – Это Игнатов сделал?

Не понимаю, каким образом он связывает одно с другим, потому не отвечаю. Да, с Иваном мы разговаривали, но случившееся со мной – обычная физиология. Надеюсь. И вообще... мне бы домой поскорее.

К слову, руководителю «Балтстройинвест» ответ и не требуется. Скинув пиджак и укутав меня в него, как ребенка, он протягивает Михайлову вынутые из кармана ключи:

– Дим, подгони мою машину на заднюю парковку, – кивает в сторону живой изгороди. – А я пока Саныча наберу, чтобы нас выпустили через черный ход.

В отличие от мужчин, которые друг друга прекрасно понимают, я туплю. Саныч, задняя парковка, черный ход, бред. Неважно.

Главное, мне собираются помочь. Это...

Снова прикусываю губу. Теперь чтобы не разреветься от умиления. ПМС – мой злейший враг. Эмоции штормят, бросая из крайности в крайность. В этот период хочется то тихо ненавидеть всех до единого, то обнимать весь мир. Первое

было чуть раньше, теперь топит вторым.

Поглубже заворачиваюсь в теплую ткань пиджака, радуясь, что он прикрывает мое тело до колен, спиной прислоняюсь к широкому стволу березы и делаю медленные вдохи и выдохи. Безумно хочется присесть или прилечь, чтобы стало полегче. Но не имея возможности, концентрируюсь на терпком мужском запахе с нотками корицы и мандарина, что исходит от одежды Арского.

Вкусный.

Сам же мужчина достает телефон и, в пару кликов нажав вызов, не отходит в сторону, а остается рядом. В сгущающихся сумерках его речь звучит отчетливо и так интересно, что... да, бессовестным образом заслушиваюсь.

– Здорово, Саныч. Да, у тебя... Конечно, без сюрпризов... Мне помощь нужна. Пусть твои архаровцы калитку откроют... Да, правильно понял, ту самую... Нет, не чтобы вынести труп Игнатова... Нет, не вру... Да, мля, Саныч, хватит шутить... Честно... Просто девушке помогаю... Да, хорошей... Нет, Маркову я не ворую... Верно, в жопу... Как скажешь... Всё. Хорошо трепаться. Давай, набирай своим. Спасибо, брат. Увидимся.

– Брат? – повторяю предпоследнее слово, когда Арский, сбросив вызов, резко оборачивается и ловит мой взгляд.

Ну не про Маркову же и жопу в одном предложении уточнять?

– Друг. Очень хороший друг, – пожимает он плечом и кру-

то меняет тему, фокусируясь на руке, которой я поглаживаю низ живота. – Ты как? Еще несколько минут продержишься?

Киваю. Конечно, продержусь, куда я денусь?

Я и столько от него не ожидала.

Ни от кого уже не ожидала. Знаю, нельзя всех под одну гребенку равнять, но поступок Игнатова резко пошатнул мою веру в людей в целом и мужчин в частности.

– Может, таблетки какие нужны? Обезболивающие?

Арский стоит рядом, но не касается. Нависает своим огромным ростом, но не пугает. Странно, когда во вставшем вверх ногами мире опорой кажется тот, кто совсем недавно вызывал презрение.

А может, наоборот, нет? И всё логично.

Просто не стоит возлагать на других больше, чем они могут дать. Тогда и разочаровываться не придется.

– У меня но-шпа есть, – вспоминаю, что перед выходом засовывала полупустой блистер в сумочку, – но воды нет. И... я шампанское пила, – киваю на валяющийся у ног бокал.

– «Газировки» было немного, да и время прошло. А воду я сейчас принесу. Никуда не уходи, – отдает команду и, не успеваю моргнуть глазом, исчезает в направлении ресторана.

Протяжно выдыхаю, опуская на минуточку ресницы, и стараюсь отрешиться от боли. Она неравномерная. То наливается силой, заставляя сжимать зубы, то отступает и дарит ложную надежду на завершение.

Звуки потасовки, а следом женский визг и гомон голосов,

раздающиеся со стороны распахнутых дверей банкетного зала, заставляют вздрогнуть и выглянуть из укрытия.

«Напился что ли кто-то и решил побуянить?» – мелькает в голове мимолетная мысль, но возвращается Арский, и я о ней забываю.

Шли бы они все... мимо.

– Держи, – мужчина протягивает мне пластиковую бутылку и спокойно дожидается, пока запью лекарство. Затем просматривает какое-то сообщение на пикикнувшем телефоне, убирает его в карман брюк и без раздумий подхватывает меня на руки. – Пойдем, Вера Владимировна, а то Димка нас уже жаждался.

Глава 9

Просыпаюсь как от толчка. Дотягиваюсь до тумбочки, чтобы взять телефон, и проверяю время. Еще только семь утра, а сон ушел безвозвратно.

Вот так, Вера. Загадывала в субботу поваляться до обеда и полентяйничать?

Получай. Только в извращенной форме.

Валяться придется по-любому, как и ничего не делать. Потому что, во-первых, в больнице принято лежать, а не бродить по коридорам и нервировать медперсонал. Во-вторых, лазать в телефоне – не вариант. Зарядного устройства нет, а индикатор выдает тридцать два процента, и это чревато тем что, когда меня выпишут, я не смогу вызвать такси. А больше заняться нечем. В-третьих, медсестра заранее «порадовала», что в выходные врач начинает обход не раньше одиннадцати.

Потому куковать мне на больничной койке до обеда. Ну не сбегать же в самом деле? Тем более, пусть и страшно, но хочется узнать результаты анализа.

Как говорится, попадос по всем фронтам.

К слову, в клинике я очутилась неслучайно. Меня сюда Арский привез. Когда запихнул в машину, даже слушать ничего не стал про поездку домой. И в обычные «женские дни» не поверил. Выдал: «Сказки мне не рассказывай, и сама себе диагнозов не ставь. Пусть специалист осмотрит. Обещаю, ес-

ли даст гарантию, что все в порядке, домой доставлю в лучшем виде».

Не согласилась. Так и согласия никто не спрашивал. Зато с дуру пошутила, что зря старается, дежурных гинекологов он ночью ни в одной государственной больнице не сыщет.

Наивная, нашла с кем связываться.

Арский оказался сообразительным. Взял, да к моим словам прислушался: сразу в частную поехал. И ведь с первой попытки нужного врача организовал.

Тот никакого недовольства нашим визитом не выразил, внимательно выслушал мою путанную историю про тесты на беременность, покивал, осмотрел и заставил медсестру взять анализ крови на ХГЧ. А затем на ночь оставил. Для перестраховки.

Арский даже не удивился такому произволу. Удостоверился, что меня в отдельную палату определили, накачали спазмолитиками и витаминами, попрощался и уехал.

Я же настолько утомилась, что на автомате поблагодарила его за помощь, медсестру за предоставленные гигиенические средства, новые ночную рубашку и халат, а также тапочки одноразовые. Нет, не белые, к счастью. И при первой же возможности приняла горизонтальное положение.

Вырубилась моментально, стоило голове коснуться подушки. И ничего не снилось. Просто провалилась в темноту, а через несколько часов из нее вынырнула.

И вот утро. Я бодра, но не весела, и занимаюсь тем, что

изучаю одноместные хоромы.

Уж лучше их, чем по кругу гонять события вчерашнего вечера. Но решить проще, чем заставить голову отключиться. Она же не слушается. И в памяти одно за другим воскрешаются то одни, то другие моменты.

Игнатов-младший в обнимку с Марковой. Его руки, обнимающие ее за талию, его губы, целующие ее в висок, его глаза, глядящие на нее с восхищением.

Василий Иванович, подтверждающий новость о помолвке дочери и Ивана, и раскрывающий секрет об их совместном путешествии по Европе.

Сергей Сергеевич, сияющий как серебряный самовар и поднимающий бокал за красивую пару.

Так мерзко. И лицемерно.

Или нет?

А ведь отец Ивана знал, что мы встречаемся, не мог не знать. Но игнорировал этот факт. Даже когда случайно пересекались с ним в кабинете коммерческого директора, относился ко мне ровно, как к любому другому сотруднику своей организации. Ни больше, ни меньше.

До меня только сейчас доходит, как ловко все было организовано. На виду. Но я, будто слепая, ничего не замечала. Полтора года...

Полтора года я была женщиной его сына, а мы ни разу не пересекались ни с ним, ни с его супругой вне офиса. Ни на семейных торжествах, ни на праздновании дней рождения

или все того же нового года. Потому что всегда появлялась какая-нибудь веская причина. То Иван отсутствовал, то болел, то хотел побыть только вдвоем. Пару раз мне выпадали командировки на не совсем удачное время.

Теперь даже не сомневаюсь, почему. Всё было просчитано до мелочей.

Я была нужна Игнатову-младшему, но не воспринималась Игнатовым-старшим всерьез. Поэтому первый ловко мной манипулировал, чтобы не нервировать второго. А тот, в свою очередь, закрывал глаза на игры сына и давал время нагуляться.

Вопрос: с чего тогда я решила, что являюсь невестой Ивана?

И тут у меня есть ответ. Именно моим женихом представился Игнатов, когда ко мне в гости прилетали родители. О, Ванюша не скрывался. Всячески демонстрировал свои серьезные намерения, отвешивал комплименты моей маме, жал руку отцу за прекрасно воспитанную дочь. Водил их в ресторан, дарил цветы одной, коньяк другому. На меня взирал влюбленными глазами, что тех больше всего и подкупало.

Мразь!

Сейчас я смотрю на ситуацию под другим углом и вижу четкие и грамотно сделанные шаги. Вот дурында, а еще всегда гордилась, что прекрасно играю в шахматы. Нет, Верочка, продула ты партию. Почти продула. Игнатов тебе ловко

влепил шах.

Прилет мамы и папы совпал с первым месяцем наших официальных, как я думала, отношений. Вот Иван и расстался. Дожал меня до постели. Я ж – дочь военного, воспитанная в строгости. Надеялась и мечтала об одном-единственном любимом. Чтоб, как у родителей... А тут такая лапша на уши.

Вот и повелась.

Сволочь!

И ведь от друзей меня не прятал. Изредка мы посещали и клубы, и рестораны. Летом на неделю летали к морю. Конечно, больше все равно зависали дома. У меня. Но я не считала себя той, кого скрывают.

А зря...

Пара друзей-приятелей за два года с вечно меняющимися подружками – теперь думаю, как-то маловато. И тут Ванюша мне поставил шах.

Не-е-ет, я не оговорилась. Именно шах. Зря Игнатов на чистую победу рассчитывает. Мы еще не закончили и эту партию доиграем. Обязательно. Только теперь я буду внимательнее. Каждый шаг просчитаю. Мат будет за мной.

Короткий предупредительный стук выдергивает из только намечающегося плана мести.

– Привет, Вера Владимировна, давно проснулась? Как ты?

Арский в белом халате, накинутом на широкие плечи в виде плаща и бахилах по-хозяйски проходит внутрь и при-

крывает за собой дверь.

– Доброе утро, Виктор Алексеевич. Проснулась в семь. Недавно, – отвечаю без раздумий, потому что его визит настолько неожиданный, что я не успеваю собраться с мыслями.

Хмыкает.

– Уже десять. Так что считай, давненько, – не соглашается он.

Я же тянусь к телефону и проверяю.

Действительно две минуты одиннадцатого. Ничего себе я увлеклась расчленением мерзавца.

Надеюсь, ему хоть икалось в полете. Не зря же я старалась, кости ему перемывала.

– Самочувствие у тебя как? – новый вопрос не заставляет себя ждать. – Получше стало?

– Стало, – киваю после того, как прислушиваюсь к собственным ощущениям. – А Вы почему здесь? Могли бы просто позвонить, чтобы поинтересоваться здоровьем. Я Вам и так признательна за помощь. А Вы снова на меня время тратите. Еще и в выходной день.

Нисколько не лукавлю.

Удивил, так удивил.

– Спортивный костюм тебе привез и кроссовки. Тридцать восьмой размер, как на туфлях, – мужчина сообщает все это настолько обыденным тоном, еще и в угол у входа кивает, где со вчерашнего вечера приютились мои «любимки», что я...

Дотягиваюсь до стакана, стоящего на тумбочке, и делаю несколько больших глотков воды. Иначе точно икать начну. Глупо и громко. И таращится на Арского, как на привидение.

Хотя, чего это я? Уже таращусь.

– Э-э-э... Вы-ы... мне...

– Тебе-тебе. Или ты в чем планировала домой ехать? – не дает договорить, демонстративно разглядывая пижаму.

– Но Вы же...

Жуть, туплю.

Но...

– Долго еще Выкать будешь, Вера Владимировна? – интересуется с ухмылкой и пакет, который я до этого не замечала, на кровати в ногах пристраивает. – Кажется, после вчерашнего нашего совместного вечера давно пора на «ты» переходить. Как-никак я тебя на руках носил.

Это он шутит так?

Не успеваю поймать брови. Они взлетают вверх.

– Ну, так Вы, Виктор Алексеевич, сами меня по имени-отчеству называете. Даже сейчас. Как я могу...

– Запросто, так же, как и я, – подмигивает. – Просто сочетание твоего ИО так грозно звучит, что не могу себя остановить. Нравится. А ты, давай, привыкай побыстрее. И выдыхай. Я не настолько старый, грозный и высокомерный, как ты думаешь.

Ага, уже поверила.

Но вслух говорю иное.

– Неудобно.

– Прекрати. Иначе пиджак стирать заставлю.

Шумно выпускаю воздух сквозь зубы. Краска мгновенно бросается в лицо. Стыдно до жути. А он еще напоминает с довольным видом. Вот же чурбан непробиваемый.

– Я отдам его в химчистку, – заявляю, вскинув подбородок, – не волнуйтесь. Или лучше Вам новый купить? Вы же...

– А ну цыц! Разошлась, – рыкает и при этом продолжает улыбаться. – Вер, признаю, шутка дурацкая вышла. За нее прости. Но ты так ярко среагировала. Глаза загорелись, губы поджались, кулачки напряглись, подбородок вверх задрался. Настоящая фурия.

Издевается?

Прищуриваюсь.

– И в чем же цель подначки? – уточняю, все еще нахохлившись.

– Лучше злись на меня, чем лей слезы по своему скунсу. Поверь, он этого не стоит. Даже если ты сейчас думаешь иначе. Пройдет время и...

– И я спляшу на его костях, – договариваю явно не то, что было в голове у Арского.

То-то теперь его брови взлетают к волосам.

А он думал иначе?

Зря.

Плохо меня знает. Я – злопамятная. Злая и с прекрасной

памятью. Так-то!

Кстати...

Глава 10

Кстати...

– Виктор Алексеевич, позвольте... – встречаюсь с ним глазами и исправляюсь, раз уж сам предложил, – позволь полюбопытствовать. Зачем ты вчера со мной так подробно своими личными отношениями с Оленькой делился? Хотел, чтоб пожалела? Так вроде особой печали на лице не заметила.

– Нет, просто правильную картину рисовал. То, как извернул все Игнатов, полный бред, но ты купилась. А меня вздернуло. Признаю, выглядеть сволочью мне не привыкать, но после нашего с тобой разговора в лифте расхотелось. Почему? Пока не спрашивай. Сам не до конца понял. Что же касается жалости... нет, Вер, она мне ни к чему. Кажется, сейчас я даже рад, что Ольга выбрала Ивана.

– Позволила себя увести... – не могу не припомнить его вчерашние слова, – как овцу на привязи.

– Язвишь? Тебя так зацепила эта фраза?

– Да и еще раз да, – пожимаю плечами. – Сложно воспринимать человека адекватно и зрело, если его сравнивают с безмолвным животным. А раз ты так это представил, значит, был повод. И дала его твоя бывшая дама сердца. Не думаю, что твое эго с ее уходом так сильно пострадало, что решил отыграться, пытаясь ее передо мной унижить. Не припомню

среди твоих личностных качеств мелочности.

– Лихо ты завернула, но... в какой-то степени понять логику можно. На самом деле Маркова – неплохая девушка. Не думай. И все, что о ней говорил – правда. Она красива, образованна, мила. В общем, идеальная спутница жизни...

– Но? Не может не быть «но», – делаю вывод, внимательно анализируя услышанное.

– Не «но», а «если», – кивает он. – Она прекрасна, если глубоко не копать.

Умеет же господин Арский парой фраз навести шороху и завладеть вниманием.

– Жажду подробностей, Виктор Алексеевич. А то у меня в голове не укладывается, как так может быть, чтобы в один момент ты желал связать себя узами брака, а в другой – уже радуешься, что дело прогорело.

Улыбается, чуть щуря глаза.

– Тут все просто. Еще год назад я понял, что пришло время вить гнездо. Тридцать пять миновало, уже не мальчик. Финансовой стабильности показалось мало, захотелось обзавестись надежным тылом: женой, детьми. Но так, чтобы без особой драмы, соплей и выноса мозга. Ольга удачно подвернулась под руку и идеально вписалась в мои планы. Впрочем, я от нее правды не скрывал, сразу описал перспективы. Она согласилась на отношения. В целом же, как ты догадалась, наш брак с Марковой стал бы взаимовыгодной сделкой. При этом каждый выигрывал что-то свое. Я приобретал статус-

ную жену, которая через пару лет родила бы мне наследника, а также поддержку в лице ее папаши. Ольга сохраняла прежний уровень жизни, какой обеспечивал ей отец, но при этом получала от него полную независимость. Она ни раз жаловалась, как душит его опека, но, думаю, там все еще серьезней. Больше чем уверен, Иван Игнатов – не только ее личный выбор, но и полное одобрение со стороны Василия Ивановича. Как говорится, деньги к деньгам, – спокойно озвучивает он то, о чем только вчера я думала конкретно этими же словами. Правда, после добавляет кое-что новое, – а старые деньги к старым деньгам. Игнатов-старший и его фирма, созданная более тридцати лет назад, показались Маркову более весомыми фигурами, чем я, молодой предприниматель, и ставку в итоге он сделал на них.

– Погоди, – приподнимаю ладонь, – я правильно понимаю? Выходит, тебя сорванная сделка, к которой ты приравнивал свой будущий брак, расстроила намного больше, чем то, что любимая девушка променяла тебя на другого парня?

– Совершенно верно. Низкой самооценкой я не страдаю. А вот потерянного времени жаль, как и того, что тебя предпочли конкуренту.

– Бред, – качаю головой. – Полный бред. Нет, может, для вас, двинутых на всю голову толстосумов, это в порядке вещей – продавать самого себя, для меня же – дикость. Ну не роботы же вы. А как же чувства, эмоции, симпатии? Вы ж с Ольгой спать собирались, в конце концов.

– Собирались, – хмыкает, – и не только спать. А в чем проблема? Она – красивая женщина. Я – здоровый мужчина. Так что... осечек не было, ни разу, если ты так по этому поводу переживаешь. И свет мы не выключали, когда...

– Арский! – рыкаю, не сдержавшись. – Избавь меня, пожалуйста, от подробностей.

Невыносимый мужчина.

Качаю головой.

– А что не так, Вера Владимировна? Ты же сама об этом речь завела, я просто ответил, – смеется этот... этот.

И так заразительно делает, что сама, хоть и поджигаю губы, а хочу улыбнуться. Невозможно кривиться, когда такая мощная энергетика рядом сбивает весь негативный запал.

– Ладно, тогда с чего вдруг твое мнение относительно союза с Марковой так кардинально поменялось всего за несколько дней? – спрашиваю не без ехидства.

Его странная логика цепляет, подзуживая разобраться в деталях. Кажется, будто разговариваю с существом с другой планеты, у которого каждый шаг рассматривается с точки финансовой выгоды или через призму выгодных сделок.

– Тут тоже все просто. Влезая в отношения с Ольгой, я считал, что взаимной симпатии для крепкой семейной жизни будет достаточно. Остальное со временем наработается, главное, иметь доверие, общие интересы и цели. Но то, как легко развалились наши полугодовые отношения, показало – ничего крепкого не было. Даже первый интерес почти сошел

на нет. Осталась привычка и заложенное в голове стремление дойти до цели. Когда же все развалилось, я осознал, что не скучаю по правильной до зубовного скрежета невесте, – пожимает плечами, по-прежнему улыбаясь. – Хочется дру-гого.

– О как! И чего захотелось теперь?

– Не поверишь. Чувств. Огня. Живых эмоций, а не тех, что принято демонстрировать в высшем обществе.

– Эх и раскатал ты губу, Виктор Алексеевич, – фыркаю, скрещивая руки на груди. – Но тут может возникнуть проблемка.

Только сейчас подмечаю, что я сижу в постели, облокотившись на подушки, а он вольготно развалился в кресле, пододвинув его поближе к моей кровати. Миленько мы так обосновались, не скажешь, что в медучреждении находимся.

– Уверен, сейчас ты обязательно мне о ней поведаешь, – подкалывает он и откидывается на высокий подголовник, устраиваясь поудобнее.

– Вполне возможно, вполне возможно, с таким-то искореженным восприятием реальности, – киваю, не поддаваясь на провокацию. – Ты в курсе вообще, что чувства в одни ворота долго не играют. Им отдача нужна. К чему я это? Ну вот представим семью. Она любит, а он – пофигист. И что? Думаешь, долго протянут? Ну, потерпит она его пренебрежение год, уверенная, что может исправить ситуацию. Ну, пять лет. А через десять плюнет и уйдет. Потому что выгорит вся.

Или останется жить только ради детей. И от этого никому легче не станет.

– И каков вывод из твоего примера?

– Простой. Хочешь чувств, учись и сам ими делиться. Быть вечным потребителем в личных отношениях не выйдет. Ну или начинай копить жен. Сначала от одной возьмешь по максимуму, затем от другой, третьей, пятой... бр-р-р... можно я не буду продолжать?

– Можно. Суть я понял, – дает царское разрешение, но потом не выдерживает и уточняет. – Считаешь, что я эмоциональный инвалид? И не потяну?

– Ну, прости, – развожу руки в стороны. – По всему выходит, что изначально ты – делец, и только потом, где-то глубоко-глубоко внутри – такой себе захудалый семьянин. Не сомневаюсь, если бы ты больше общался со своей невестой, смог бы ее заранее просчитать и понять. Может, даже исправить ситуацию. Но тебе было неинтересно. Выходит, вы как были двумя незнакомцами в начале пути, так ими и остались.

– Ну, ты тоже не смогла просчитать своего жениха, хотя эмоционально была с ним открыта.

Четкий удар. В яблочко.

Он ранит, потому что несет в себе правду.

– Верно, Виктор Алексеевич. Но знаешь, из-за одной паршивой овцы, а не буду превращаться в робота. Хотя теперь миллион раз перепроверю партнера, прежде чем сделаю хоть

один шаг к сближению. Слишком больно бьет предательство по оголенным нервам.

– Добрый день, меня зовут Ксения Игоревна Мирская, я – Ваш лечащий врач, – очень вовремя наш разговор прерывают, а то что-то направление, в которое он плавно стек, начинает напрягать. Не готова я пока обсуждать личное. – Давайте проведем осмотр и, если все в порядке, я Вас, э-э-э, – смотрит на планшет, – Вера Владимировна, выпишу. Ваш муж может пока подождать в коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.